

Ребёнок уже было хотел выпалить «но сейчас больше всего боюсь спускаться по лестнице», но слова уже вертелись на языке, он тут же проглотил их и внутренне порадовался, что вовремя спохватился и затормозил, не выдав эту странную фразу. Иначе пришлось бы придумывать оправдание, почему он боится.

И Вэньси не заметил этого колебания ребёнка. Выслушав, он сразу почувствовал себя виноватым.

В прошлой жизни он постоянно оставлял Ань Хэ одного в вилле на окраине, наведываясь лишь когда его заносило.

Во всей вилле, кроме Ань Хэ, были только слуги. Неизвестно, как он, так боявшийся одиночества, тогда справлялся.

Голос И Вэньси прозвучал глухо:

— А что тебе ещё нравится?

— Много всего, не перечить, — ответил Ань Хэ. Он не хотел подвергаться «допросу», поэтому сменил тему. — Ты правда любишь стрельбу из лука?

Помнилось, что в прошлой жизни И Вэньси, кроме спортзала, не интересовался спортом.

Когда он смотрел соревнования по стрельбе, он говорил, что ходит в зал, чтобы поддерживать форму и здоровье — это выгодно, а вот сидеть и смотреть, как другие занимаются, — пустая трата времени.

Поэтому в этой жизни, встретив его внезапно превратившимся в фаната стрельбы, Ань Хэ не мог не удивиться такому контрасту.

И Вэньси хитро улыбнулся:

— Угадай.

Ань Хэ смотрел в его миндалевидные глаза: в светло-коричневых зрачках отражалось его юное лицо. Вдруг он осознал, что они сейчас лежат под одним одеялом, тела прижаты друг к другу, а лица так близки, что носы почти касаются, и его дыхание касается щеки.

Ночной хоррор, уединение вдвоём, соприкосновение тел.

Атмосфера, идеальная для того, чтобы что-то случилось.

Взгляд И Вэньси потемнел, а потом вспыхнул. Его большая рука уже скользнула по спине Ань Хэ и сжала его затылок. Он слегка наклонил голову...

Ань Хэ перестал дышать, видя, как лицо приближается. Но в последнюю секунду в дверь грохнули:

— Бам-бам-бам!

Ребёнок очнулся, испуганно вырвался из рук И Вэньси, державших его за шею, и быстро спрыгнул с кровати к двери.

И Вэньси не ожидал, что останется ни с чем, и его лицо мгновенно стало чёрным.

— Почему не отвечаешь на сообщения? Быстрее возвращайся спать, завтра ещё соревнования,
— голос Цзин Лю звучал из-за двери.

Сквозняк в коридоре ещё больше разгорячил лицо Ань Хэ. Он поспешно обернулся, помахал рукой, показывая И Вэньси, что уходит, и пошёл за Цзин Лю.

Цзин Лю выпрямился. Не оборачиваясь, он знал: если бы взгляды могли убивать, он был бы уже трупом.

Но как старший брат, он считал своим долгом защищать младшего от странных дядек.

Поведение И Вэньси было очевидным даже слепому — это был волк в овечьей шкуре, ждущий момента, чтобы сожрать Ань Хэ, этого белого кролика.

Дверь закрылась. И Вэньси холодно произнёс:

— Как заставить этого человека исчезнуть из жизни Ань Хэ?

Сюн-эр, пренебрежительно ковыряя в носу, ответил:

— Хозяин, я же говорил: у вас будет не меньше десяти соперников. Но не волнуйтесь, Цзин Лю не один из них.

И Вэньси:

— ...

Услышав как минимум о десяти соперниках, молодой господин тут же решил, что в прошлой жизни поступил правильно, заперев того.

На следующее утро, во время пробежки, Ань Хэ встретил Хань Хаокуна. Тот стоял у входа на главную арену Цаньши в полном замешательстве, уставившись на олимпийские кольца.

Этот грустный вид так отличался от его прежнего наглого и крутого образа, что казался совсем другим человеком.

Ань Хэ подошёл к нему, вытер пот со лба нарукавником и спросил по-китайски:

— Ты в порядке?

Он знал, что китайский Хань Хаокуна не очень хорош, но по сравнению с его неммым корейским это было небо и земля.

Ну, он был землёй, а этот парень — небом.

— Всё в порядке.

— Вчера ты выступил неудачно. Из-за Хан Хи Сона, да?

Хань Хаокун напрягся, опустив взгляд на это ещё детское лицо.

Ему казалось, что всё давление ищет выход, и этим выходом стал ребёнок перед ним.

Было ещё рано, вокруг почти никого не было, и Хань Хаокун просто сел на ступени у входа.

Ань Хэ тоже сел рядом.

Хань Хаокун посмотрел вдаль:

— Он мой дядя. Ты знаешь, насколько он силен.

Дерзкий подросток, как фокусник, вытащил из кармана две маленькие бутылочки молока и бросил одну Ань Хэ.

— Пей больше молока, ещё есть шанс подрасти, — он указал на голову Ань Хэ.

— Твоя привычка всё время ввязываться в битвы никуда не делась. В прошлой жизни, наверное, ты был быком.

Хань Хаокун, к своему удивлению, улыбнулся. Улыбка была довольно приятной, но тут же лицо снова упало:

— Я не ожидал, что он вдруг придёт смотреть мою гонку, но я выступил ужасно.

— Ты под большим давлением.

Хань Хаокун уперся руками в землю, откинулся назад и посмотрел на утреннее небо, которое заря окрашивала в красный цвет. Лёгкие облака небрежно рисовали разные формы — тихие и полные жизни.

В его голосе появилась горечь:

— Когда есть такой выдающийся дядя, и я тоже стрелок из лука, ты не можешь представить, какое у меня давление.

Ань Хэ вспомнил тот день, когда Хан Хи Сон пришёл лично, и восторженную реакцию фанатов. Этот дядя действительно был звездой, известной всей Корее, и гордостью страны.

У него не было права судить, ведь легкомысленно оценивать чужой опыт и чувства — это холодно и безответственно.

Но это не значит, что Ань Хэ не знал, как утешить парня.

Просто нужно было сказать: ты не самый несчастный, есть и те, кому хуже.

Он обхватил колени и посмотрел на солнце, наконец поднявшееся над горизонтом:

— Раньше мне снился страшный сон. Во сне моя семья разорилась, отец не вынес этого и прыгнул с многоэтажки, а мать не выдержала удара, оказалась парализованной и слегла.

Хань Хаокун стал серьёзнее:

— И что потом?

Ань Хэ положил подбородок на локоть и, склонив голову, посмотрел на Хань Хаокуна. Когда говорил, он любил смотреть в глаза — это была вежливость.

— Долг был астрономический, но самое важное было оплатить лечение матери, поэтому я бросил учёбу и пошёл работать. Я делал всё: на стройке таскал кирпичи, торговал на рынке,

мыл посуду. Знаешь, без диплома хорошей работы не найти, поэтому я вкалывал как проклятый, но денег всё равно не хватало.

Глаза Ань Хэ стали ещё темнее:

— Потом меня заметило агентство, я попал в шоу-бизнес, но успеха не добился и в итоге разбился насмерть.

Хань Хаокун заметил, что голос ребёнка в конце дрогнул. Видимо, сон и правда был страшным.

Ань Хэ открыл молоко, подаренное Хань Хаокуном, и спокойно продолжил:

— Потом я открыл глаза и понял, что всё это ложь. Как хорошо, правда?

Он говорил правду. Ощущение нереальности после перерождения иногда прорывалось, нарушая спокойную жизнь.

Иногда он думал: а вдруг после падения с лестницы он не умер и не возродился, а лежит в больнице, подключённый к аппаратам, в вегетативном состоянии, а всё это — лишь бред воспалённого воображения?

Нести такой тяжёлый секрет, который нельзя рассказать, он действительно мог понять давление Хань Хаокуна. Тем более психологически Ань Хэ был на несколько лет старше и намного взрослее.

Хань Хаокун удивился:

— Твой сон такой длинный?

Ань Хэ косо посмотрел на него:

— К моему сну есть претензии? Я к тому, что небольшое давление полезно, но если оно слишком велико и постоянно давит, это уже плохо.

Арбуз считает, что сегодняшняя глава немного сладкая.

Спасибо тем, кто в период с 2021-06-30 15:03:36 по 2021-07-01 16:58:54 голосовал за меня или поливал питательной жидкостью.

Спасибо за питательную жидкость: Гу И — 1 бутылочка.

Большое спасибо всем за поддержку, я продолжу стараться!

<http://bllate.org/book/16413/1487422>